

Глава 33

Вечерело.

Линь Цзао, неся на руках Линь Сяобао, у которого пропал «сигнал», поднялся на второй этаж и направился на кухню готовить ужин.

День выдался суматошным: он разговаривал с Фу Чэном, учил его грамоте, а ещё спас щенка.

Линь Цзао, видимо, немного устал, есть ему не хотелось, да и особых предпочтений в еде не было.

К счастью, ещё оставались приготовленные несколько дней назад свиная голова и сердце в рассоле.

От свиной головы осталась половина уха, а от сердца — лишь небольшой кусочек.

Линь Цзао нарезал всё, что было, выложил на тарелку и поставил в пароварку.

Большую кастрюлю с рассолом он тоже не стал выливать.

С помощью сита он отфильтровал мясные крошки, перелил бульон в чистую сухую миску, накрыл крышкой и убрал в холодильник.

Пока холодильник работал и в доме было электричество, рассол можно было использовать снова.

Пока Линь Цзао занимался мясом, Линь Сяобао, шлёпая босыми ножками, встал на свою скамеечку и принялся мыть листья салата.

Он послушно мыл овощи, ведь если папа съест салат, то его самого есть уже не станет!

Мясо готовилось минут шесть-семь, и за это время Линь Сяобао как раз закончил с салатом.

Линь Цзао взял неглубокую фарфоровую тарелку, аккуратно уложил на неё листья салата, посыпал солью, накрыл решёткой для пара и тоже поставил в пароварку.

Ему было лень жарить овощи, поэтому он решил приготовить их на пару.

Пять минут — и готово. Останется только полить устричным соусом, разведённым в кипятке.

Утром и в обед они ели суп, поэтому на ужин Линь Цзао решил его не готовить.

Во-первых, это занимало слишком много времени, а во-вторых...

Если Линь Сяобао напьётся супа на ночь, то может описаться.

Фу Чэн не мог помогать по хозяйству, а стирать простыни Линь Цзао не хотелось.

Небольшая кастрюлька риса дополнила их сегодняшний ужин.

Расставив тарелки и стулья, Линь Цзао и Линь Сяобао приступили к еде.

Отец и сын, сев за стол, взяли палочки и, как по команде, одновременно потянулись к салату.

Одна палочка, две, три.

Один листик, два, три.

Два маленьких кролика, хрум-хрум...

— Сяобао? — с удивлением спросил Линь Цзао. — Ты больше не любишь свиные уши? Почему ешь только овощи?

— Папа... — Линь Сяобао замялся.

— Я помню, несколько дней назад ты съел целую тарелку и спрашивал, когда я приготовлю ещё.

— Я... — тихо сказал Линь Сяобао, — мне оно немного приелось.

Что ж, понятно.

Даже самое вкусное блюдо, если есть его несколько дней подряд, может надоесть.

Собственно, Линь Цзао и сам это чувствовал.

— Тогда ешь побольше овощей, а завтра я приготовлю тебе что-нибудь новенькое.

— Угу, — энергично кивнул Линь Сяобао. — У меня теперь даже моча пахнет рассолом...

— Эй, эй, эй! — поспешно остановил его Линь Цзао. — Мы едим.

— Ой, — Линь Сяобао прикрыл рот рукой, но не смог сдержать смешок, и его глаза превратились в полумесяцы.

Отец и сын съели всего несколько кусочков мяса, а остальное отнесли вниз Фу Чэну.

Фу Чэн не привередничал: что жена принесёт, то и ел.

Каждый раз он съедал всё дочиста, и ему даже казалось мало.

Он бы мог съесть целого Сяо Цзао!

Солнце село. Щенок, неспособный сам согреться, остался без солнечных лучей.

Линь Цзао нашёл согревающую наклейку, активировал её и приклеил в его лежанке.

Им в доме такие вещи обычно были не нужны. Фу Чэн был крепким и горячим круглый год, и зимой они с Сяобао просто обнимали его, чтобы согреться.

Эти наклейки были куплены несколько лет назад. Фу Чэн, попав на распродажу в супермаркете, купил больше ста штук за девять юаней девяносто центов. Они так и лежали без дела.

Теперьгодились для щенка.

Через полотенце наклейка источала ровное тепло. Щенок, будучи неглупым, подполз поближе и, поскуливая, стал греться.

На ночь должно было хватить.

Уладив все дела по дому и проверив окна и двери, Линь Цзао увёл Линь Сяобао наверх спать.

Линь Цзао лежал на спине, небрежно закинув одну руку за голову.

Линь Сяобао, лежа на боку, крепко обнимал другую руку отца, прилипнув к нему, как жвачка.

Оба молчали.

Глаза Линь Сяобао слипались, он вот-вот должен был уснуть.

А Линь Цзао, наоборот, не чувствовал сонливости. Он лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок.

Он снова думал.

Снова думал о Чэн-гэ.

Слова Сяобао, сказанные днём, были очень разумными и навели его на мысль.

Он мог бы надеть на Чэн-гэ перчатки, намордник и маску. Тогда Чэн-гэ не смог бы их поранить и мог бы выйти из кладовки.

Перчатки у них были. Чэн-гэ любил ездить на мотоцикле, а зимой было холодно, поэтому он купил ему много кожаных перчаток.

Сейчас они как раз могли пригодиться.

Но что насчёт намордника? Обычная маска не подойдёт, Чэн-гэ с его силой сорвёт её одним движением.

Нужна была клетка для рта.

Он видел такие раньше — железные, полностью закрывающие нижнюю часть лица. В такой не то что укусить, даже рот открыть невозможно...

Их надевают на бойцовских собак.

Хихи, Чэн-гэ ведь тоже злой пёс, свирепый и злобный, а когда злится — бросается на людей.

Линь Цзао невольно улыбнулся.

Улыбаясь, он почувствовал, как к щекам приливает кровь.

В этом... том самом... то есть...

Чэн-гэ в нём будет выглядеть... довольно привлекательно.

Линь Цзао закрыл глаза, его губы изогнулись в довольной улыбке, и он погрузился в приятные фантазии.

Так, размечтавшись, он и уснул.

Ночь прошла спокойно.

Вся семья, включая маленького щенка, спала крепко и безмятежно до самого утра.

***

На следующий день, в восемь утра.

Линь Цзао и Линь Сяобао, лежавшие рядом, одновременно открыли глаза.

— Сяобао, ты проснулся?

— Проснулся.

— Тогда подъём!

Линь Цзао внезапно с криком «Йу-ху!» вскочил с кровати, подхватив с собой и Линь Сяобао.

— Папа, ты такой противный! Противный! — возмущённо закричал мальчик.

— Вовсе нет.

Отец и сын оделись, почистили зубы, умылись и спустились вниз.

На завтрак была рисовая каша, которую Линь Цзао поставил готовиться ещё с вечера.

С мясной стружкой, шкварками или консервированной рыбкой — она была очень вкусной.

В восемь тридцать, позавтракав и одевшись, отец и сын отправились вниз кормить остальных.

Линь Цзао нёс ведёрко с едой для Фу Чэна — тот много ел, ему всегда нужно было побольше.

Линь Сяобао держал маленькую миску для щенка, в которой была самая верхняя, жидкая часть каши. Щенок ещё не умел есть твёрдую пищу, и это было для него в самый раз.

А Фу Чэн и щенок, обитавшие на первом этаже, уже давно их ждали.

На самом деле, они оба... оба пса...

И человек, и щенок, проснулись уже давно.

Согревающая наклейка остыла, и щенок, проснувшись от холода, жалобно скулил в своей лежанке.

— Холодно, голодно.

Фу Чэну было скучно, и он, стоя за дверью и прислонившись к ней лбом, заворчал на него.

— Не смей мёрзнуть! Не смей голодать! Не смей шуметь! Собака должна быть сильной!

Бедный щенок жалобно пищал, а властный большой пёс грозно рычал.

Их звуки то нарастали, то затихали, пока вниз не спустились Линь Цзао и Линь Сяобао.

Услышав знакомые шаги, Фу Чэн встрепенулся и выпрямился, готовый встретить свою любовь.

В этот момент железная дверь распахнулась и ударила его.

— Чэн-гэ, мы с Сяобао принесли тебе завтрак...

Не успев договорить, Линь Цзао почувствовал неладное и заглянул за дверь.

Фу Чэн потёр нос, растянул губы в улыбке и шагнул вперёд.

— Сяо Цзао, доброе утро!

В следующую секунду Линь Цзао шлёпнул его по плечу.

А ещё через мгновение он отступил и захлопнул дверь.

БАМ! — безжалостно и холодно.

Фу Чэн недоверчиво уставился на закрытую дверь, подозревая, что только что виденный им Сяо Цзао был лишь плодом его воображения.

Почему Сяо Цзао пришёл и тут же ушёл? Что он сделал не так?

Фу Чэн поднял огрубевшую руку и коснулся уголка своих губ.

Он некрасиво улыбнулся? Он же утром долго репетировал перед стеной.

Он старался улыбаться так же, как Сяо Цзао: приподнимая уголки губ, щуря глаза и показывая зубы.

Вроде... не так уж и уродливо получилось.

В этот момент снаружи раздался испуганный крик.

— А-а-а!

— Сяобао, этот ужасный большой папа, он спрятался за дверью, чтобы нас напугать!

— Он чуть не укусил папу! Я так испугался!

У Фу Чэна перехватило горло. Забыв об обиде, он почувствовал, что что-то не так.

И действительно, не успели стихнуть слова, как Линь Цзао взобрался на подоконник, открыл окно и громко спросил:

— Фу Чэн! Зачем ты спрятался за дверью и напугал меня?!

Фу Чэн отступил на два шага и обиженно посмотрел на Линь Цзао.

Это выражение лица давалось ему куда лучше.

Нет, он не хотел пугать Сяо Цзао.

Он любит Сяо Цзао.

Впрочем, раз уж речь зашла о том, что он чуть не укусил Сяо Цзао, он действительно немного пожалел.

В тот момент они были так близко, что он почти мог разглядеть пушок на щеках Сяо Цзао.

Но он забыл его поцеловать, просто стоял столбом, да ещё и получил по плечу.

Почему он каждый раз, видя Сяо Цзао, теряет голову?

Ведь ещё вчера он твёрдо решил, что поцелует его.

Фу Чэн опустил глаза, его взгляд потемнел, и Линь Цзао сразу понял, о чём он думает.

— Твой поступок, — продолжил Линь Цзао, — отвратителен! Крайне отвратителен! Поэтому я решил...

Решил что?

Фу Чэн поднял на него глаза.

— Сначала покормить щенка! А ты поешь потом!

Голос Сяо Цзао звучал твёрдо.

Слова Сяо Цзао ранили его в самое сердце!

Фу Чэн сделал два быстрых шага вперёд, пытаясь его остановить, но было уже поздно.

Сяо Цзао уже ушёл.

Он, взяв Линь Сяобао, направился к щенячьей лежанке.

Было утро, и солнце светило с востока.

Линь Цзао отклеил остывшую наклейку и перенёс лежанку под восточное окно.

Несколько дней назад здесь сушилась капуста, а теперь — щенок.

Линь Сяобао с миской и бутылочкой следовал за отцом:

— Папа, подожди меня.

— Хорошо.

Отец и сын прошли мимо двери кладовки.

Фу Чэн, стоя за дверью, казалось, прожигал её взглядом, провожая их от одного конца комнаты до другого.

Даже щенок сменил комнату, даже щенок уже ест, а он ещё нет.

Линь Цзао налил кашу в бутылочку и поднёс её щенку.

Линь Сяобао, присев рядом, некоторое время наблюдал, а затем с интересом спросил:

— Папа, я научился, можно я попробую?

— М-м...

Линь Цзао обернулся, взглянул на железную дверь и нарочито тихо ответил:

— Да, давай.

Он подвинулся, уступая место, и передал бутылочку Линь Сяобао.

— Просто держи бутылочку, щенок сам будет пить.

— Хорошо.

Линь Цзао, присев на корточки, некоторое время наблюдал.

Убедившись, что Линь Сяобао справляется, он успокоился, встал и на цыпочках подошёл к кладовке, взяв термоконтейнер.

Он взобрался на скамейку и, как уже делал много раз, медленно выглянул из окна.

Что сейчас делает Чэн-гэ?

Неужели спрятался в углу и плачет?

Может, даже слёзы льёт?

Но как только Линь Цзао высунул голову, он встретился взглядом с Фу Чэном, стоявшим под

окном.

Линь Цзао проделывал этот трюк уже много раз, и Фу Чэн, конечно, помнил об этом.

Но на этот раз, увидев, что он вернулся, Фу Чэн не бросился к нему, а, наоборот, отступил на два шага.

Он боялся напугать Сяо Цзао.

Он уже всё обдумал.

Линь Цзао понял, что тот пытается загладить свою вину, надул щёки и сдержал улыбку.

— Ладно, на этот раз прощаю. Но впредь не смей скалить на меня зубы, это страшно!

Фу Чэн кивнул и плотно сжал губы, пряча острые клыки.

Линь Цзао поставил термоконтейнер на подоконник, собираясь передать ему еду.

Но, пошарив рукой по раме, он не нашёл верёвки с корзиной.

Странно, где верёвка?

Как он передаст еду без верёвки?

Линь Цзао нахмурился:

— Фу Чэн, ты забрал корзину?

Фу Чэн широко раскрыл глаза, не веря своим ушам.

— Я? Я забрал?

В следующую секунду Линь Цзао, словно озарённый, хлопнул себя по лбу.

— Ой, ой, ой, это я! Я забрал!

Он отдал корзину Фу Чэна щенку под лежанку.

Ему было лень искать другую, а вчера он кормил Фу Чэна, просто открыв дверь.

Он совсем забыл!

Фу Чэн глубоко вздохнул и уставился на него с видом человека, преданного своей любовью.

Сяо Цзао предал его!

Линь Цзао виновато почесал затылок:

— Прости, прости, я не нарочно.

Линь Цзао, взяв термоконтейнер, прыгнул со скамейки, достал ключ и снова открыл железную дверь.

— Чэн-гэ, я пришёл!

Фу Чэн сидел на кровати, широко расставив ноги и положив руки на колени, и не обращал на Линь Цзао никакого внимания.

— Не сердись. Я принёс тебе еду прямо в постель, как тебе?

Хотя он знал, что Фу Чэн его узнаёт, Линь Цзао всё же не решился войти без защиты: он надел шлем и перчатки.

Только в полной амуниции он осмеливался войти.

Ведь Фу Чэн сам предупреждал его, что нельзя терять бдительность.

Линь Цзао поднёс термоконтейнер к Фу Чэну. Тот выждал три секунды...

Целых три секунды!

...и только потом протянул руку и взял его.

Он привычно открутил крышку, взял ложку и размешал кашу.

Фу Чэн всё больше становился похож на человека.

Линь Цзао протянул к нему руку:

— Ты пока ешь, а я посмотрю твои раны. Только не нападай на меня.

Это была всё та же старая рана от вентилятора.

Линь Цзао сначала думал, что лекарств в доме мало, и нужно экономить, меняя повязку раз в два дня.

Как раз сегодня утром нужно было её сменить, и он специально положил лекарства и бинты в карман.

Но теперь...

Линь Цзао осторожно снял повязку с плеча Фу Чэна, слой за слоем, обнажая его мощный и мускулистый торс.

Раны на плечах и руках Фу Чэна, большие и маленькие, пересекающиеся друг с другом, уже покрылись рубцами!

Струп и рубец — это не одно и то же.

Струп — это кровавая корочка. Если её содрать, пойдёт кровь, а рана под ней всё ещё будет открытой.

А рубец — это...

Он полностью зажил!

И это всего за несколько дней!

Даже сквозная рана на груди затянулась.

Линь Цзао неверяще уставился на него, протянул палец и легонько ткнул Фу Чэна в грудь.

От прикосновения тело Фу Чэна напряглось.

Он отставил термоконтейнер и, перестав есть, уставился на Линь Цзао.

Линь Цзао с серьёзным видом рассматривал его шрамы. Пушистая перчатка скользнула вниз, и тело Фу Чэна снова покрылось мурашками.

Тёмно-коричневые шрамы выглядели не как свежие, а как застарелые.

Рана была слишком большой, и новая плоть, с трудом стянувшись, казалось, кое-где разорвалась, оставив вокруг мелкие трещинки.

На загорелом, мускулистом теле Фу Чэна эти шрамы смотрелись не уродливо, а, наоборот, очень гармонично.

— Ух ты... какой рельефный, спать с ним, наверное...

Невольно вырвалось у Линь Цзао.

Но он тут же опомнился.

Он выпрямился, прочистил горло и с видом эксперта-биолога заявил:

— Согласно моим наблюдениям, способность к регенерации у зомби в десятки, а то и в сотни раз выше, чем у обычных людей.

— Это может быть связано со скоростью деления клеток в организме зомби, а также с их невероятной выносливостью.

— Я думаю...

Линь Цзао, подняв голову, продолжал с умным видом размышлять, даже не заметив, как Фу Чэн протянул к нему руку.

Фу Чэн, не снимая перчатки, нежно взял его руку и положил себе на грудь.

Сяо Цзао любит его трогать.

Он позволит Сяо Цзао трогать его, только Сяо Цзао.

— Эй, эй, эй... так нехорошо...

Линь Цзао вздрогнул и уже было хотел отдернуть руку, но вдруг передумал.

Он перехватил запястье Фу Чэна и подтянул его руку к себе.

Вернее, Фу Чэн и не сопротивлялся, сам поддался ему.

Линь Цзао опустил голову и внимательно осмотрел руку Фу Чэна.

Раз уж он собирался надеть на него перчатки, нужно было всё тщательно изучить.

Когда Фу Чэн был человеком, у него были большие руки, и он часто, не спрашивая разрешения, хватал его за талию.

Став зомби, его руки, казалось, стали ещё больше и толще, почти как лапы.

Фу Чэн, будучи домашним зомби, конечно, тоже любил чистоту.

Он мыл руки водой, которую приносил Линь Цзао, и точил когти о стену.

Поэтому его руки были чистыми, а когти — не такими длинными и грязными, как у уличных зомби.

Как зомби, он был действительно особенным.

Линь Цзао был доволен.

Вот только он не знал, подойдут ли Чэн-гэ перчатки, которые он ему купил раньше, ведь его руки стали больше.

Подумав об этом, Линь Цзао раскрыл свою ладонь и приложил её к ладони Фу Чэна.

Нужно было сравнить!

Линь Цзао, опустив голову, тщательно сравнивал свою руку с рукой Фу Чэна.

Фу Чэн, не отрываясь, смотрел на Линь Цзао, на его сосредоточенное лицо, опущенные ресницы, и, очарованный, невольно наклонился ближе.

Он сегодня не ел супа, но в груди у него всё равно пылал огонь.

Он помнил, что Сяо Цзао говорил не подходить к нему так близко.

Но на этот раз Сяо Цзао сам подошёл, а не он.

Он не причинит вреда Сяо Цзао, просто один поцелуй.

Сяо Цзао и раньше его целовал, он всего лишь ответит ему.

В следующую секунду Фу Чэн, не в силах больше сдерживать свою животную природу, резко наклонился и устремился к губам Линь Цзао.

Но в этот самый момент Линь Цзао поднял голову!

Они столкнулись лицом к лицу.

Линь Цзао видел его приближение.

Фу Чэн мог бы лучше поцеловать Линь Цзао.

И в следующую секунду Линь Цзао тоже наклонился вперёд, словно приветствуя его.

И тут же раздался глухой стук.

Фу Чэн врезался прямо в забрало мотоциклетного шлема.

Линь Цзао, улыбаясь, прищурил глаза.

Этот шлем принадлежал самому Фу Чэну, он носил его, когда ездил на мотоцикле.

Перед тем как запереться в кладовке, он тысячу раз просил Линь Цзао обязательно его надевать.

А сам забыл и врезался в прозрачное забрало.

— Большой зомби, у тебя что, зрение ухудшилось?

Линь Цзао сиял, его глаза изогнулись в полумесяцы.

Фу Чэн, прикрыв лоб рукой, глубоко вздохнул.

Стыдно, как стыдно.

Что это было на лице Сяо Цзао? Он видел только Сяо Цзао и ничего больше не замечал.

Мало того, что не поцеловал, так ещё и Сяо Цзао над ним смеётся.

Он отвернулся. Кровь, до этого текшая медленно, вдруг забурлила.

От смущения у него даже уши покраснели.

Линь Цзао, всё ещё улыбаясь, протянул руки, схватил Фу Чэна за уши и повернул его лицо к себе.

— Кто тебя просил нападать? Если бы я был без шлема, ты бы мне все зубы выбил!

— Хр-р-р...

Зомби не нарочно, зомби знает меру.

Он просто хотел поцеловать, а не укусить.

— Дурачок.

Линь Цзао нежно выругал Фу Чэна, затем наклонился и, через забрало шлема, легонько клюнул его в губы.

— Если хочешь меня поцеловать, то только так нежно.

<http://bllate.org/book/16977/1587916>